
СОМНИЯ
КЛИНИКА
На этот раз останься
В СОМНИИ СНЫ ПОВТОРЯЮТСЯ.
А ЛЮДИ — ТОЖЕ?
СРЕДА ОЖИДАНИЯ
АДАПТИРОВАНА
ПОД ВАШЕ СОСТОЯНИЕ
ГЛУБЖЕ
ЧЕМ СОН
БЛИЖЕ
ЧЕМ ПАМЯТЬ
18+
НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИИ НЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ

Лунница Лунница

На этот раз останься

«Автор»
2026

Лунница Л.

На этот раз останься / Л. Лунница — «Автор», 2026

Сон, дарующий утраченное - это ловушка. Каждое утро в нем превращается в новое прощание, а каждая ночь - в соблазн остаться там навсегда.

© Лунница Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аномалия 5
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Лунница Лунница
На этот раз останься

Глава 1. Аномалия

Седьмой день отпуска Дэвид распланировал по-человечески: проспать до полудня, заказать еды, разобраться наконец со стиркой и лечь пораньше, желательно до десяти. План выходил простой и приятный. Но около часа ночи, так и не сумев уснуть, он рывком поднял свою тушку с постели, наскоро оделся, повесил спортивную сумку себе на плечо и отправился в зал: конечно, не забыв вернуться через несколько секунд, чтобы проверить, запер ли он гребаную дверь.

Тренировка, к слову, прошла удачно. Из зала он вышел с опустевшей головой и долгожданной усталостью, за которой сюда и ехал. Даже сумка на плече вдруг потяжелела.

Осталось доползти до машины, стоявшей на парковке.

Дэвид вдохнул полной грудью свежий воздух и не сразу выдохнул. Октябрьский дождь, подсвеченный вывеской над входом, казался красивым ровно до тех пор, пока до машины не осталось несколько шагов: влажный холод успел пробраться под толстовку, а в кроссовке предательски хлюпнуло.

Кажется, он булькнул в лужу.

Уже в машине, стряхнув с капюшона воду и прикрыв глаза на секунду, Дэвид позволил себе упрямую надежду: доехать до дома и наконец догнать сон, сбежавший от него несколько часов назад. И именно в этот момент в кармане дважды завибрировал телефон, на экране которого светились два сообщения и время — 03:00. Формально уже утро, хотя город, затянутый дождем, пока ничем этого не выдавал.

Работа

[Сомния. У нас ЧП]

[Ночная смена. (-4 этаж). Приезжайте срочно]

Дэвид перечитал сообщение и, задержав взгляд на знакомом названии клиники, тихо выругался, пожелав адресату скорейшей кончины.

Несколько долгих секунд он не двигался, глядя куда-то сквозь лобовое стекло, по которому барабанил ливень, и мысленно посылал к черту весь мир, целиком, без исключений. Его снова выдернули в законный отпуск, который должен был закончиться…

Он посмотрел зачем-то на часы.

…через три недели.

— Проклятие…

Как же он ненавидит свою работу.

Ненавидит телефон, который умеет звонить только в самое неподходящее время. Ненавидит слово «срочно», которое в устах начальства давно перестало что-либо значить, потому что срочным там было все, а значит, ничего.

Но сегодня, вероятно, был не тот случай.

Сон, который он так мечтал догнать, снова ускользнул и на этот раз уже не по его вине.

Погасив экран, Дэвид засунул телефон обратно в карман, повернул ключ в замке зажигания, злее сжал руль и, в очередной раз помянув работу так, что хватило бы на все тридцать этажей, нехотя выехал с парковки.

Не забыв прошипеть коронное:

— Проклятие!

***

«Сомния» занимала целую стеклянную башню: двадцать этажей над землей и еще десять под ней, с фасадом из сплошной зеркальной оболочки, без рам и просветов, сквозь которые можно было бы разглядеть, что внутри. Днем верхушка башни растворялась в ослепительных солнечных бликах, а с наступлением вечера на стеклянной поверхности загоралась реклама с заголовком:

«НЕКОТОРЫЕ ВЕЩИ СТОИТ ПРОЖИТЬ ЕЩЕ РАЗ».

Здесь людей не лечили. Здесь возвращали то, что люди боялись однажды забыть.

Клиент приходил и заказывал сон. На первой стадии процесса заказчик садился в кресло, и к его вискам прикрепляли датчики. Вскоре на экране проступал тот самый день — не таким, каким человек привык его вспоминать, а каким он сохранился в памяти: с людьми, без которых всё случившееся лишилось бы смысла, с обрывками разговоров и мимолетными жестами, которых тогда никто не заметил. Возвращались лица, давно стершиеся из памяти, звучали забытые голоса. Иногда клиент чуть подавался вперед, узнав в случайном повороте головы или в чьей-то улыбке деталь, которую, казалось, утратил навсегда.

На втором этапе из этих рваных тусклых фрагментов специалисты собирали сон: чистый, без пробелов и искажений, где прошлое снова становилось живым.

А на третьем этапе, спустя несколько недель, достаточно было лечь в комфортную капсулу, закрыть глаза — и человек, опутанный проводами, получал всё, что хотел.

Там мама, давно ушедшая из жизни, по-прежнему могла хлопотать на кухне, откуда тянуло запеченной курицей, и звать голосом, еще не знавшим ни болезни, ни последнего прощания:

— Сынок, иди ужинать!

И клиент, погрузившийся в забытье, конечно же шел. Шел так же, как когда-то в детстве. Точь-в-точь как в его памяти.

О том, каково после этого просыпаться, реклама умалчивала.

Наверное, думал Дэвид, повторно потерять человека было бы даже хуже. Проснуться и понять, что всё было сном, а реальность куда мрачнее виртуального мира.

Работая в клинике пятый год, он так и не смог проникнуться этим местом. Что-то претило ему в создании снов, противоречило самому существованию реальной жизни. И именно поэтому он всегда тяжело преодолевал свое негодование, когда оказывался в стерильных стенах.

В холле клиники вентиляция, как всегда, гнала над полом искусственный туман. Подсвеченный снизу, тот стлался между светлыми креслами, огибал основания колонн и, разрезаемый шагами, распадался у ног, нехотя смыкаясь за спиной.

Воздух пах свежо, по-лесному, дождем и хвоей.

Из окон не было видно застланного ливнем города. Вместо этого вдоль стен тянулись реалистичные проекции: огромные стволы деревьев, от пола до потолка, папоротники в низинах, солнечные пятна на влажной коре. Изображение обладало такой глубиной, что даже сейчас, давно привыкнув к нему, Дэвид невольно замедлил шаг, заметив, как с еловой ветки сорвалась капля.

Внизу, утопленная в тумане, проступала надпись:

«Среда ожидания адаптирована под ваше состояние».

Дэвид тихо хмыкнул.

Если система действительно считывала его состояние, лесу стоило бы уступить место кровати.

— Рейн, ты что тут забыл? — окликнул его охранник. — У тебя же отпуск.

Дэвид лишь молча отмахнулся и пошел к лифту.

Что за привычка давить на больное?..

Стоило подойти к лифту, как панель ожила. По стеклу скользнул голубой круг, пробежал по его лицу, сканируя черты, задержался на долю секунды и погас. Кнопки вызова не было: вместо неё на темной поверхности проступило его имя:

Дэвид Рейн.

Доступ: административный

Отдел службы безопасности.

Специалист по инцидентам.

Оказавшись внутри, он произнес:

— На минус четвертый.

Лифт послушался, мгновенно среагировав на голос.

Ожидая нужный этаж, Дэвид поправил волосы, приводя их в порядок, чтобы не походить на промокшего бомжа, и поднял взгляд на зеркальную стенку, откуда на него посмотрел мужчина тридцати лет.

Он оглядел себя без интереса.

Высокий, черноволосый, с красивой осанкой, но сейчас спина ленилась таковой быть. Мокрая толстовка сидела на нем так, будто ее сшили под эти мужественные плечи, хотя куплена она была на распродаже и без примерки. И даже сейчас, с небольшой синевой под глазами, неприветливым лицом и мокрыми волосами, прилизанными, как у выдры, — только выдра выглядела бы бодрее, — он выглядел привлекательным мужчиной, с которым хочется оказаться в одном лифте. Правда, желательно, когда он выспится.

Лифт мягко остановился, и под женский роботизированный голос «Минус четвертый этаж» двери бесшумно разъехались.

Коридор тянулся далеко вперед. По обеим сторонам шли широкие двери из толстого матового стекла, скрывавшего всё, что находилось за ними. Потолок заливал пространство ровным белым светом, нестерпимо ярким для трех часов ночи. Не прошло и пары секунд, как глаза заслезились. У дверей в ожидании уже стоял техник в светло-желтом комбинезоне. Бейдж на груди висел ровно, как положено, и на нём было напечатано: Оскар Лейн, техник ночной смены.

— Докладывайте, Оскар, — имя Дэвид запомнил сразу, как запоминал всех, кто оказывался рядом с телом первым.

— Пак Чинхо не проснулся. Я его не трогал. В смысле, будил, но не трогал, — выпалил техник на одном дыхании и сжал губы, запоздало услышав собственное объяснение.

— По порядку. Сначала сеанс, потом всё остальное.

— Сеанс длился сорок минут, — начал техник, прежде набрав воздуха в грудь. — Сон закончился, свет в капсуле загорелся, крышка поднялась. Обычно клиент сразу садится, трет лицо, спрашивает, сколько прошло. А этот лежал, — пожал техник плечами. — Я его позвал. Потом громче позвал. Включил свет на полную, а он не реагирует. Я на показатели здоровья глянул, — продолжил техник, вытянув палец и указывая на воображаемую панель. — Там всё в порядке, всё зеленое. Все показатели в норме, ни одной красной строчки. Дежурного врача позвал. Эмма пришла, на панель глянула и велела ничего не трогать. Сказала: после хорошего сна так бывает. Нужно дать клиенту проснуться самому.

— Дальше.

— Дальше я панель с показателями здоровья отключил и ушел. Там сон у другого клиента заканчивался, — Оскар облизал пересохшие губы. — Вернулся, когда освободился. Через полчаса, может, позже. А он все лежит. Ну и…

Оскар замолчал, потупив взгляд в пол, и Дэвид всё понял без объяснений.

— Показывайте, — кивнул он на двери, за которыми лежала его проблема размером, вероятно, с целую жизнь.

Техник затараторил «конечно-конечно» и приложил карту к дверям, которые вмиг плавно разъехались, пропуская их внутрь.

Восемь белых капсул с обтекаемыми колпаками стояли в два ряда. Открытой оставалась лишь та, что была у самой стены. Рядом с ней на складном столике валялся бумажный пакетик от берушей и стояла бутылка, в которой оставалась треть воды. Эта недопитая вода почему-то цепляла взгляд. Чинхо явно рассчитывал вернуться к ней после сеанса.

Под поднятой крышкой, положив голову на белую подушку, лежал мужчина пятидесяти лет в бежевом трикотажном костюме клиники: расслабленный рот, лоб без единого признака хмурости, ни тени пережитой боли. Дэвиду доводилось видеть мертвых людей, и лишь у немногих лица выглядели так. Казалось, Чинхо не умер, а просто не хотел просыпаться. Будто там ему наконец предложили что-то, от чего невозможно отказаться, а здесь не нашлось никого, способного уговорить вернуться.

Дэвид смотрел на тело и жалости не чувствовал. Чувствовал он нечто более неприятное: зависть. Такое лицо не у каждого живого встретишь. У Дэвида — почти никогда. Хмурая складка между бровей, кажется, давно стала неотъемлемой частью его тучной личности.

— Что видел клиент? — спросил Дэвид.

— Не знаю, — отозвался техник и добавил, торопясь: — Это не к нам. Мы включаем сценарий, как кино, а что там за картинки, видит только архитектор. Она сон собирает, она за него и отвечает.

Последние слова прозвучали с торопливым облегчением. Найдя того, на кого можно было переложить ответственность, техник даже расправил плечи.

— Вы запускаете сон, не видя, что транслируете? — Дэвид приподнял бровь, дожидаясь объяснения.

— Так устроена система. Защита частной жизни клиентов, — техник развёл руками, показывая, что от него здесь ничего не зависит. — Некоторые заказывают… сны интимного характера. Сами понимаете, им лишние зрители ни к чему. Так что мое дело только на кнопки пульта нажимать, а не сон разглядывать.

— Имя архитектора.

— Ноэль Рош. Работает на минус пятом.

— Тело не трогать, — велел Дэвид, направляясь к выходу. — Сюда никого не пускать. Список всех, кто работал с клиентом, мне на телефон.

Техник кивнул, уже доставая мобильный. Дэвид шагнул к двери, намереваясь уточнить, в каком именно секторе искать нужного ему архитектора, но остановился. Проход загораживал мужчина лет сорока, с пепельно-каштановыми волосами, в светлом костюме идеального кроя, выдававшем свою цену даже при беглом взгляде. Он, застыв, растерянно смотрел мимо Дэвида на открытую капсулу.

Услышав распоряжение насчет тела, незнакомец отступил в коридор, освобождая дорогу Дэвиду, однако уходить не собирался. Лишь неловко сделал шаг в сторону, заметно хромая на левую ногу. Последствия давней травмы всё ещё сказывались на походке, вынуждая его переносить вес на правую.

Дэвид невольно опустил взгляд, отметив эту особенность, и вновь посмотрел мужчине в лицо.

— Джон Харт, руководитель отдела архитекторов, — представился мужчина, переведя взгляд на Дэвида. — Я уже в курсе. Сценарий Чинхо собирал мой архитектор, и отвечать за него буду я.

— Почему вы? — Дэвид остановился напротив, оставив между ними расстояние в шаг. — Архитектор сама за свою работу ответить не может?

— Разрешение на сеанс выдаю я, — пояснил Джон Харт. — Без моего согласия клиента в капсулу не положат. Значит, если в сне была ошибка, я это пропустил, и спрашивать начнут с меня. Полагаю, вы тоже.

Слова прозвучали без единой запинки, однако заученной речи Дэвид в них не услышал. Он присмотрелся к нему: усталые глаза, расстегнутая нижняя пуговица пиджака, наспех повязанный галстук. Эти мелочи складывались в короткую историю ночных сборов. Поднявшись среди ночи, начальник отдела приехал сюда сам. Большая редкость, когда начальство резво бежит защищать своих сотрудников.

— Ноэль Рош вам кем приходится?

— Ученицей, — ответил Джон Харт, впервые позволив себе короткую улыбку. — Я учил её собирать сны. По результатам работы она лучший архитектор клиники. У неё всегда чистая сборка и ни одной жалобы.

Улыбнувшись, Джон Харт слегка прищурился, и на щеках проступили ямочки, смягчавшие четкие черты лица. В его взгляде было столько доброты, что Дэвид на мгновение поддался желанию ослабить настороженность. Мужчина с первого вздоха располагал к себе манерой держаться: спокойный, доброжелательный, не ищущий виноватого.

— Даже больше, чем ученица, — добавил Джон Харт и, заметив резко взметнувшуюся бровь, поспешил объясниться: — О, нет-нет. Вы не о том подумали, — негромко рассмеялся, уловив невысказанный вопрос. — Семьи у Ноэль нет, она выросла в детдоме. Три года назад я взял её в отдел, и с тех пор она мне как дочь. Поэтому и приехал сам, хотя ночью меня никто не звал: разрешение моё, отдел мой, ученица моя.

— Она уже знает?

— Знает, — Джон Харт посмотрел в сторону лифта. — Мне сообщили, а ей, видимо, ещё раньше. Когда я спустился к ней, она уже сидела над записью сна, и с той минуты не отходит от экрана. Хотя её смена закончилась давно.

— И вы не отправили её домой?

— Нет. Она всё равно не ушла бы, — Джон взял паузу. — Передайте ей от меня, пожалуйста, чтобы до конца смены к капсуле не подходила. Ей незачем видеть труп.

— Почему вы сами ей не скажете?

— Потому что со мной она начнет торговаться, а с вами не станет. Вы пришли сюда не успокаивать. И ещё, господин Рейн, — Джон Харт ненадолго замолчал, подбирая слова. А после произнес: — Если решите, что виновата моя архитектор, скажите мне это в лицо. Я не прошу закрыть дело. Я прошу не делать из неё удобную виноватую лишь на том основании, что под утвержденным сценарием стоит её подпись.

Дэвид кивнул, ничего не пообещав.

В коридоре открылся лифт. Следом донеслись голоса сотрудников, вышедших на этаже и продолжавших обсуждать следующий сеанс. Они переговаривались свободно, сверяясь с расписанием, делая паузы лишь затем, чтобы выслушать друг друга.

— Принеси, пожалуйста, чистый комплект белья, — попросил один из них, закончив перечислять необходимые приготовления.

Дэвид обернулся на голоса, и Харт отступил к стене, пропуская его.

Казалось, после смерти клиента работа должна была остановиться во всем здании. Хотя бы на час. Хотя бы до тех пор, пока тело не вынесут из капсулы. Но клиника работала исправно. Под землей по-прежнему строили чужие сны.

У каждого в этих стенах была своя выгода, и только у мертвого не осталось никакой.

* * *

Оказавшись в архитекторской, первое, что бросилось в глаза Дэвиду, — чужие воспоминания.

Они покрывали стены от пола до потолка, не оставляя и следа от белизны, привычной для остальных помещений клиники. Сотни тонких светящихся сенсорных пластин были подогнаны друг к другу, как детали пазла. Каждая хранила отдельный фрагмент: комнату, лестничный пролет, лицо, аптеку, клочок неба над незнакомыми крышами. Издали всё это напоминало раскадровку фильма, который никто не собирался снимать. Вблизи же проступали подробности: трещина на чашке, мокрый след на подоконнике, детская ладонь, прижатая к запотевшему стеклу. Одни изображения двигались, другие застыли. В верхнем ряду беззвучно колыхалась занавеска. Чуть ниже женщина обернулась к кому-то невидимому и так и осталась вполоборота, с приоткрытым ртом, словно её остановили посреди слова. На соседней пластине солнце освещало деревянный пол и край чьей-то босой ступни.

Так выглядело чужое прошлое, разобранное для сборки.

У одной из стен, боком к Дэвиду, стояла нужная ему женщина: архитектор, на вид его ровесница.

Рыжие волосы были собраны в небрежный пучок, но, судя по выбившимся прядям, держалась эта договоренность на честном слове. Объемный черный свитер висел свободно, рукава были кое-как подвернуты, открывая тонкие запястья. Спортивные штаны того же цвета собирались мягкими складками у щиколоток. Без халата и служебного браслета архитектор выглядела слишком по-домашнему, словно засиделась за работой, потеряв счет часам и вспомнив об окружающем мире лишь потому, что проголодалась. Однако сейчас её занимало другое.

Закусив губу, Ноэль Рош разглядывала экран с любопытством первооткрывателя, изучающего новую планету. В руке у неё был планшет, повторявший в миниатюре огромную проекцию на стене.

Внезапно, подчинившись движению её ладони, которой она будто смахнула нечто невидимое в сторону, разрозненные изображения на настенном экране погасли, через мгновение сменившись единой картиной во всю стену. Перед Дэвидом открылась улица с аптекой на углу, в которую он сам когда-то ходил. На миг аптечная вывеска оказалась совсем близко к экрану, и Дэвид различил даже потеки на ее пластиковом коробе, подсвеченном изнутри. Потом улица вновь отдалилась, унося с собой эту ненужную, поразительную подробность.

В глазах Ноэль отражался мир, знакомый им обоим: знакомые улицы, знакомые вывески, воссозданные из памяти клиентов, живущих с ними в одном городе. Дэвид знал, что перед ним свет, обработанный устройством, знал, что за мокрыми фасадами нет ни домов, ни людей, и все равно, заметив сейчас освещенное окно, всматривался в него, ожидая, что кто-нибудь подойдет задернуть штору. Взгляду нечему было возразить: даже свет аптечной вывески, растекшийся по воде, казался именно таким, каким запоминался по дороге домой.

Подобный мир не требовал веры, достаточно было узнать в нем что-то свое.

В этом и заключался обман. Искусственная клетка, не выдающая себя ни одной решеткой, могла затянуть незаметно, заставив забыть о настоящей реальности. Ведь там, в проекции, та же самая жизнь оказывалась куда приятнее той, в которой жили они все: не обязательно счастливой, не обязательно лишенной боли, просто устроенной так, что человеку все ещё хотелось сделать следующий шаг и не просыпаться.

Дэвид ненадолго приковал свое внимание к луже. Даже отсюда, сквозь оболочку экрана, вода казалась настоящей.

Убедительная работа.

Сосредоточившись на изображении, он не сразу заметил запах копченой колбасы. Теперь тот назойливо вклинивался в впечатление от залитой дождем улицы, возвращая внимание к архитекторской, и Дэвид оглянулся в поисках источника.

У противоположной стены, забравшись с ногами в кресло, сидел ещё один сотрудник. На свободном краю консоли стоял термос, а на коленях лежал бутерброд в развернутой бумажной обертке. Из-под рукавов футболки виднелись руки, сплошь покрытые татуировками, спуска-

ющимися до самых костяшек и теряющимися в сгибах пальцев. Устроившись среди оборудования для создания снов, он невозмутимо собирал с джинсов крошки, изредка стряхивая их прямо на пол, явно считая зал подходящим местом для ночного жора и оставляя возможные претензии на чужой совести.

— О, — оживившись, протянул татуированный, заметив Дэвида в дверях. — Видимо, так к нам торопились, что насквозь вспотели, — он состроил ухмылку и взглядом кивнул на мокрый спортивный костюм, ещё не высохший после дождя.

— Дэвид Рейн, — представился он, оставив замечание без ответа.

— Трэвис Гейт, — отозвался тот и резко соскочил с кресла вместе с бутербродом. Подошёл торопливо к Дэвиду и, не забыв культурно облизать пальцы, протянул руку в приветствии: — Калибровщик. Рад знакомству.

Дэвид на мгновение задержал взгляд на ладони с облизанными пальцами, все ещё протянутой, и, передернув скулами, убрал руки в карманы штанов, показывая всем видом, что касаться чужих слюней желанием не горит.

Трэвис лишь хмыкнул уголком губ и опустил руку, снова возвращаясь в своё излюбленное кресло.

— Я не виноват, — забираясь с ногами на сиденье, заявил Трэвис.

— В чем? — склонил голову к плечу Дэвид.

— Пока ни в чём, — Трэвис откусил бутерброд и, прожевав, невозмутимо закончил: — Но вы же всё равно напишете.

— Трэвис, прекрати, — внезапно укоризненно подала голос Ноэль, продолжая смотреть на проекцию.

А Дэвид забыл, как дышать.

Этот голос…

Этот бархатный голос показался ему слишком знакомым, пройдясь мурашками по спине и рукам. Сердце, споткнувшись на одном ударе, болезненно толкнулось под ребрами. Дэвид привык списывать подобные сбои на усталость, и сегодняшняя ночь давала для этого достаточно оснований. Но ни одно из них сейчас не объясняло, почему кожа на шее помнила этот голос лучше, чем голова.

— А чё, я не прав что ли? — возмутился Трэвис.

— Заканчивай, а, — тяжело выдохнула Ноэль.

— Молчу, — Трэвис, причавкивая, поднял свободную руку, изображая готовность сотрудничать. — Молчу и ем.

Ноэль, опустив глаза к планшету, изменила кадр: теперь на экране мальчик тянул отца за руку, а у края дороги стояли ивы, погруженные в реку по самые ветки.

— Красиво, — заметил Трэвис, кивнув на кадр. — Он хоть не мучился? — спросил уже у безопасника, намекая на мертвого клиента, чей сон транслировался сейчас на экране.

— Не знаю, — ответил Дэвид, наблюдая, как Трэвис опускает взгляд на недоеденный бутерброд.

— Понятно, — Трэвис завернул его в бумагу, тщательно подогнув край. — У нас половина клиентов после сеанса жалуется, что им мало сорока минут. А этот теперь там навсегда. И не пожалуешься.

— Трэвис! — недовольно цыкнула архитектор.

— Всё-всё, — Трэвис поднялся и принялся собирать термос. — Ухожу. Ты только не забудь: если тебя посадят, кофеварку я забираю. Ты её в прошлом году по-честному проспорила.

Взяв курс на выход, Трэвис приостановился возле Дэвида и добавил:

— Она не виновата. Я тебе… — Трэвис как-то подозрительно запнулся и, сразу себя одернув, прочистил горло. — Я вам не как свидетель говорю. Я с Ноэль три года знаком и знаю

её лучше, чем она сама себя. Всё, — отсалютовал он Ноэль, — я пошел. Не скучай, не ной и кофе много не пей. А то обоссышься.

Ноэль закатила глаза.

Дверь закрылась, и в зале снова воцарилась тишина.

Дэвид подождал, рассчитывая, что Ноэль сама отвлечется и они наконец перейдут к делам насущным. Но архитектор, лишь увеличив участок проекции, проследила за движением реки и вновь коснулась большого экрана. Судя по сосредоточенному взгляду, начинать разговор первой она не планировала.

— Ноэль Рош, — сдержанно позвал Дэвид, но у неё даже плечи не дрогнули. Проведя пальцем по планшету, она вернула прежний масштаб и продолжила рассматривать искусственный мир, оставляя сотруднику службы безопасности вид на собственный профиль. — Ноэль Рош, — уже требовательнее повторил он, подойдя к ней.

— Я не глухая.

До этого Дэвид видел архитектора вполоборота, занятую своим ночным делом: сейчас же, когда та наконец соизволила обернуться, перед глазами предстали тяжелые от недосыпа веки и чуть обветрившиеся губы. Уставшая, но красивая. Дэвид задержал вдох, словно уже позволил себе лишнее. Холодный свет, не щадивший чужие синяки под глазами, почему-то ничего не портил. Наоборот, Дэвиду захотелось увидеть это лицо при другом освещении. Утреннем, например, падающем из окна на её профиль и оставляющем одну щеку в тени.

Совершенно некстати.

Тихо прочистив горло, Дэвид остановился на глазах Ноэль. Лучше от этого не стало: светло-карие, по краю радужки сгущалась тень, а ближе к зрачку проступали золотистые волокна. Даже здешнее мертвенное освещение не сумело вытравить из них тепло. Впрочем, к самому взгляду это не относилось. Умный, чуть прищуренный, он оставался внимательным, не обещая Дэвиду ни малейшей поблажки.

Дэвид мысленно повторил, зачем он, собственно, здесь. Его вызвали сюда не затем, чтобы он стоял и разглядывал чужие глаза.

Ноэль тем временем тоже рассматривала его.

Представший перед ней сотрудник безопасности выглядел так, будто до клиники добирался вплавь: мокрые пряди прилипли ко лбу, по шее стекали капли воды. Спортивный костюм совершенно не вязался ни с должностью, ни с этим этажом. Ни форменной рубашки, ни брюк, только потемневшая от дождя ткань, собравшаяся складками у локтей, да спортивные штаны. По всему выходило, что человека выдернули прямо из дома, не оставив времени даже переодеться.

Не объясняло только, зачем Ноэль продолжала его разглядывать, уже все поняв.

Толстовка натягивалась на широких плечах. Намокнув, ткань местами прилегала плотнее, обозначая крепкую грудь. Когда Дэвид поправил съехавший манжет, под рукавом напряглось предплечье. В этом движении, лишенном всякого намерения произвести впечатление, оказалось что-то особенно отвлекающее. Ноэль невольно проследила взглядом от запястья к плечу и лишь потом, с небольшой досадной задержкой, снова посмотрела ему в лицо.

У Дэвида были удивительно открытые глаза для человека, пришедшего представляться службой безопасности, и упрямо сомкнутые губы, мешавшие счесть эту открытость простодушием. Ноэль поймала себя на том, что ей хочется услышать собственное имя, слетевшее с этих губ, только без должностей, вопросов и всего остального, неизбежно следовавшего за формальным появлением. Даже успела представить, как изменятся чужие губы, если Дэвид улыбнется. Но это было слишком неправильной мыслью. Поэтому Ноэль вернулась к тому, что действительно имело значение.

— На этот этаж сотрудники безопасности обычно не спускаются, — устало-терпеливо выговорила Ноэль, опуская руку с планшетом, на поверхности которого виднелся обрывок детской улыбки. — Значит, пришли вынюхивать что-то.

Дэвид мысленно усмехнулся: вынюхивать — его работа.

— Сегодня умер Пак Чинхо. Его сон собирали вы, — бесстрастно озвучил Дэвид всем здесь известные факты, всматриваясь в лицо Ноэль. — Обязан опросить.

— Я не допускала ошибок.

— Но клиент мертв.

— Я услышала вас с первого раза, — оскорбленно процедила Рош. — По моей части всё было выполнено безупречно.

Безупречно.

Это слово встало у Дэвида поперек горла.

Безупречный сон, завершившийся остановкой сердца.

— Безупречная история — первый повод её проверить, — несколько надменно произнес Дэвид.

— Проверяйте.

— Именно этим я и занимаюсь.

— Пока вы занимаетесь моим лицом.

Дэвид, стиснув зубы, ощутил предательский жар в щеках: замечание унизительно точно попало в цель. Он действительно успел изучить каждую черточку на чужом лице, искусанную губу и родинки, к которым взгляд возвращался с недопустимым для расследования постоянством.

— У вас кровь на губе, — придирчиво обронил Дэвид, указывая подбородком на ранку, к которой Ноэль тут же потянулась кончиком языка. Терзать губы, видимо, было у неё вредной привычкой.

— Внесите в свой рапорт, — издевательски посоветовала Рош, касаясь рта тыльной стороной пальца, на которой осталась алая точка. — Пусть от осмотра моих губ будет служебная польза.

Дэвид почувствовал желание улыбнуться — здесь, посреди разговора о смерти, под нахальным взглядом архитектора, чью работу следовало разобрать до последнего перехода. И, немедленно возненавидев свое желание за несвоевременность, поспешно перевел тему:

— Вернемся к вашей ошибке.

— Я не допускала ошибок, — взглядом Ноэль можно было испепелить весь город. — Аномалия появилась сама.

— Значит, ошибка всё-таки была, — торжествующе хмыкнул Дэвид, цепляясь за оговорку, в которой услышал долгожданное признание.

— Не ошибка, а аномалия, — повторно подчеркнула Ноэль, для особо одаренных, и раздраженно выдохнула, понимая: её собеседник — полный профан в сфере разработок, а ещё по совместительству твердолобый баран.

— Поясните.

— Во сне не может появиться то, чего клиент никогда не видел, — терпеливо издалека начала Ноэль, сложив руки на груди. — Мы не настолько продвинулись, чтобы система додумывала без нашего участия. Но аномалия есть, и отрицать ее бессмысленно.

Дэвид, нахмурившись, почувствовал, как первоначальное удовлетворение уступает место досаде: объяснение требовало новых вопросов, а ему до злости хотелось получить хотя бы один окончательный ответ, вписать его в рапорт и свалить домой — доживать свой отпуск, похожий на день сурка.

— Для чего вообще нужен сон, если в нем только то, что уже было? — кажется, этот вопрос он задал скорее себе, чем Ноэль. Но та поспешила поддержать разговор.

— Чтобы попрощаться, — Ноэль всматривалась в чужое лицо, на котором скепсис приобретал упрямое, личное выражение. — Или произнести то, на что когда-то не хватило времени. Иногда… смелости, — Ноэль, заметив презрительную полуулыбку, ощутила неприятный укол обиды: Дэвид уже судил и клинику, и её клиентов, и каждое чужое возвращение к дорогому голосу. — Сон не дарит новую жизнь, господин Рейн. Он дарит ещё один разговор с прошлым. Для кого-то этот разговор значит очень много.

— Сон, дарующий утраченное, — это ловушка, — беспощадно отчеканил Дэвид, задерживая взгляд на планшете, от которого по пальцам архитектора растекался бледный свет. — Каждое утро там превращается в новое прощание. Каждая ночь — в соблазн остаться навсегда. Вы возвращаете им дорогое на несколько часов, а потом предлагаете добровольно его отпустить. Снова и снова.

Неприязнь, прорвавшаяся в последней фразе, неприятно царапнула Ноэль слух, и она вдруг отчетливо поняла, насколько бессмысленно сейчас защищать перед Дэвидом право клиентов скучать по умершим.

— Это ваше мнение, — с лживой учтивостью отозвалась Ноэль. — У клиентов оно другое. И обсуждать его вместо случившегося мы можем до рассвета.

Дэвид, услышав в этой вежливости явный упрек, недовольно поджал губы, но Ноэль уже вернулась к вопросу, ради которого терпела допрос:

— Вернёмся к аномалии. Подойдите ближе. Я всё вам покажу.

Дэвид, помедлив перед светящейся стеной, всё же приблизился и остановился в полушаге от Ноэль, которая провела пальцами по экрану и ввела код, где символы перемежались цифрами.

Улица с аптекой погасла, уступив место другой картине.

— Это последняя минута его сна, — сосредоточенно проговорила Ноэль, не отрывая глаз от пластин, на поверхности которых медленно проступало изображение. — Слева то, что собрала я. Справа то, что возникло во время сеанса. Смотрите внимательно, господин Рейн. Разница заметна не сразу.

Дэвид, услышав в последней фразе учительскую интонацию, недовольно выдохнул, однако промолчал: экран уже притягивал взгляд.

На левой половине экрана открывался берег, каким он уцелел в памяти клиента: неширокая река, обмелевшая к концу лета, песчаный брод, ивы, опустившие ветки к самой воде, тропинка, вытоптанная до белизны. По ней, спиной к наблюдателям, шли двое: Пак Чинхо в светлой рубашке с закатанными рукавами и темных брюках и мальчик лет пяти, босой, в выгоревших шортах и линялой футболке. Мальчик, цепляясь за его руку, что-то говорил и запрокидывал голову, а Чинхо, не сбавляя шага, наклонялся к нему с родительской нежностью.

Дэвид, всматриваясь в спины, которые дрожащий зной размывал по краям, с досадой уловил в груди непрошеный укол. Он тут же мысленно напомнил себе, что перед ним улика, а не чья-то утраченная жизнь, и всё-таки взгляд упрямо возвращался к маленькой босой ступне, ступавшей точно в унисон со взрослой.

Сразу было понятно, что ребенок умер очень давно, и Чинхо пожелал прожить момент с сыном ещё хотя бы раз.

— Теперь направо, — вполголоса подсказала Ноэль, заметив, что внимание Дэвида застряло на левой пластине.

На правой половине экрана был тот же берег, тот же песок, те же две фигуры в трех шагах от воды. Та же ива, та же тропинка, тот же мужчина и тот же мальчик, державшийся за его руку. Только вода была другая: светлая, безграничная, выходящая за край, где у любой реки давно закончился бы противоположный берег. Дэвид, переводя глаза с одной половины экрана на другую, ощутил, как волоски на затылке встали дыбом: одинаковые ивы, одинаковые

фигуры, одинаковый зной, и бесконечная, равнодушно спокойная вода там, где память клиента отчетливо хранила берег на другой стороне.

— Это один и тот же кадр. Только вместо реки — море, — озадаченно произнес Дэвид, не отрывая взгляда от правой стороны экрана, за краем которой безмолвная, бесконечная вода продолжала растекаться в никуда.

— Верно, — кивнула Ноэль. — Но Пак Чинхо никогда не видел моря.

— Даже на фотографиях?

— Видел, конечно. Но здесь мы работаем с личными воспоминаниями. Он никогда не стоял на берегу, не слышал прибоя, не чувствовал запаха соленой воды. Мне не из чего было собрать для него море.

— И всё-таки оно здесь.

— Именно, — Ноэль тоже посмотрела на правый экран. — Я не художник. Скорее реставратор. Могу восстановить то, что сохранилось в памяти, соединить фрагменты. Но не написать поверх них что-то свое.

— Но написали, — кивнул сам себе Дэвид и повернулся к ней.

— Вам так хочется сделать меня виновной во всем? — приподняла бровь Ноэль.

— Пока вы — единственный, кто имел полный доступ к сознанию клиента. И копаться в мозгах вы умеете лучше, чем кто-либо в этой клинике.

Дэвид, шагнув ближе, сократил расстояние, которое до этого удерживал нарочно, и навис тенью над Ноэль, которая назло не отступила. В её спокойствии не было ни вызова, ни попытки понравиться, и почему-то именно это сбивало с толку. Вблизи от неё пахло белыми цветами. Дэвид вдохнул чуть глубже и с неудовольствием осознал, что запомнит этот запах надолго. Запомнит этот кабинет и эти светло-карие глаза, в которых отражались две разные водные глади.

— Я ничего не делала, — упорно, по слогам проговорила Ноэль, настырно и вупор глядя в глаза, в которых открыто читалось недоверие.

— Считаете, что кто-то изменил сон уже после утвержденного вами сценария? — спросил Дэвид, заставляя себя вновь посмотреть на экран. Теперь он искал в изображении следы вмешательства, хотя и не знал, как они должны выглядеть.

— Возможно, — Ноэль задумчиво провела пальцем по экрану, повторяя контур волны, подступавшей к переднему плану. — Но в одном я уверена точно: при сборке фрагментов все было в порядке. Иначе чужой след я бы заметила сразу. Изменения начались во время сеанса.

— Техник мог такое провернуть? — Дэвид следил за её пальцами, остановившимися у самой кромки воды.

— Нет, — уверенно ответила Ноэль. — Никто из работающих здесь не смог бы.

Дэвид напрягся, обдумывая услышанное. Каждое новое пояснение лишало его очередной зацепки, размывая представление о возможном подозреваемом. Сама аномалия, существовавшая вопреки техническим ограничениям клиники, ставила под сомнение всё, на что он рассчитывал опереться в расследовании. Кто-то создал артефакт, появление которого установленное здесь оборудование попросту не допускало.

«Замкнутый круг какой-то, твою мать», — мысленно выругался он.

— А что начальство ваше говорит?

— Они знают о том, что в записи есть отклонение, — ответила Ноэль.

— Отклонение, — хмыкнул Дэвид. Какое удобное слово. За ним можно спрятать и необъяснимое море, и смерть человека. — Так вы это называете?

— Так это назвало руководство, — уточнила Ноэль, выделив последнее слово.

— Вы вообще упоминали в отчете аномалию?

— Конечно, нет, — покачала головой Ноэль, продолжая наблюдать за чайками, парящими над морем.

На берегу искусственного мира сидел Чинхо со своим сыном. Запись шла дальше, сохраняя безмятежность, а у Дэвида скулы невольно сводило от осознания, насколько высокой оказалась цена за сновидение.

— Основатели клиники никогда не позволят поставить под сомнение то, что строили годами, — продолжила архитектор. — Официально признав, что в этих стенах возникла аномалия, приведшая к смерти клиента, они собственными руками запустят скандал. Начнут уходить клиенты. Следом придут проверки, вопросы, журналисты. Репутацию придется восстанавливать по кускам.

Она ненадолго умолкла, дав Дэвиду обдумать перечисленное, а после безрадостно усмехнулась:

— Им проще замять дело. Сделать вид, что ничего особенного не произошло, свалив вину за смерть Чинхо на него самого. Мол, не учел свой возраст, намеренно скрыл диагноз, из-за которого ему бы отказали в услугах. Подписал согласие, принял риски. Какие могут быть претензии к клинике?.. Так что… — Ноэль улыбнулась и окинула снисходительным взглядом Дэвида. — Я бы на вашем месте не кичился должностью и статусом в этом деле. От вас ждут вполне определенной услуги: законно стереть кровавые следы. А «правду» они напишут без вас.

Дэвид перевел взгляд с экрана на архитектора. В этих рассуждениях ему отвели унизительную роль, даже не потрудившись выяснить, согласен ли он ее исполнять. Подобная самоуверенность требовала ответа, и раздражение уже подсказывало слова:

— А у вас длинный язык, — выдал Дэвид, не сдержавшись.

Ноэль заметила, как переменилось чужое лицо, и ощутила злое удовлетворение. Все-таки задел. Часто люди охотно считают себя неподвластными чужим оценкам, пока кто-нибудь небрежной репликой не доберется до того, что они привыкли в себе уважать.

— Согласна, — Ноэль без стеснения опустила взгляд к паху Дэвида, задержала его там с оскорбительной обстоятельностью и вновь посмотрела ему в глаза. Теперь двусмысленность была подготовлена, оставалось произнести ее вслух. — Длиннее вашего достоинства точно.

Вот так выдала.

Они знакомы меньше часа, а уже такие оскорбления.

«Нахальная».

Дэвид позволил себе взять паузу, подавив желание ответить столь же оскорбительно. Перепалка доставляла Ноэль явное удовольствие, и потакать ей он не собирался. К тому же за этой дерзостью угадывалась давняя неприязнь ко всем, кто обладал властью. Сам Дэвид, успевший заслужить лишь несколько минут чужого внимания, уже расплачивался за свою должность. Любопытно, кто обеспечил ему такой прием задолго до знакомства.

На самом деле Ноэль тоже не могла себе объяснить, откуда взялось в ней это презрение. Она просто чувствовала его без видимой причины.

— Вы не очень-то жалуете начальство, — заметил Дэвид, возвращая разговор к тому, с чего началась перепалка.

Ноэль усмехнулась. Сдержанность Дэвида её слегка разочаровала: она рассчитывала на более горячий ответ. Хотелось выплеснуть эмоции куда-то дальше, чем экран с дефектной записью сна.

— Они сидят на вершине золотой пирамиды, свесив ножки, и грызут семечки. А шелуху сплевывают на головы тем, кто внизу, — произнесла Ноэль. — За что их любить?

— Если вы уже уверены, что дело будет закрыто, зачем решили показать мне сборку сна, которая явно указывает на вашу виновность? — Дэвид прищурился. — Вы могли бы промолчать или стереть улику.

— Потому что я тоже хочу узнать, откуда там взялось море, — понизив голос, ответила Ноэль и вернула взгляд к экрану. — Я уверена: аномалия вызвала резкое перенапряжение организма, и сердце не выдержало. Но не могу это доказать.

Судя по уверенности, прозвучавшей в чужом голосе, та возвращалась к этому выводу уже не раз, — подумал Дэвид.

Никто из них больше не произносил ни слова, рассматривая изображение на экране и каждый думая о своем. Дэвид — о том, что никогда бы не решился лечь в капсулу. Ноэль же прислушивалась к мерному дыханию мужчины и думала о себе, о своих ощущениях, причиняющих неприличный дискомфорт.

Её необъяснимо тянуло к Дэвиду, стоящему рядом и почти касающемуся своим плечом её плеча. Хотелось продолжить разговор, задержать его ещё хоть на несколько минут. Даже недоверие, с которым тот смотрел на неё прежде, не вызывало желания отстраниться. Ноэль вдруг осознала, что ей почему-то хочется встать к Дэвиду вплотную, лицом к лицу, и, протянув руку, зачесать тому мокрые волосы назад, так словно она всегда делала этот нежный жест заботы.

Наверное, всё дело в парфюме.

Уловив приятный запах, Ноэль невольно вдохнула глубже.

Где-то она уже слышала этот аромат…

Поначалу повеяло апельсиновой кожурой, словно её только что надломили пальцами. А после за этой свежестью проступило что-то более теплое: древесная нота, немного корицы и табака. Резкого сигаретного дыма в нем не было, оставался сладковатый запах свежих листьев. Ближе к коже оставалась мягкая ваниль, — Ноэль была уверена, — чуть заметная, чтобы смягчить горечь, не превращая её в сладость. На Дэвиде этот запах согревался, становился уютнее, но сохранял сдержанную терпкость. От него пахло очень вкусно, до абсурдного желания оказаться близко к его шее под каким-нибудь благовидным предлогом.

— Знаете… Мне кажется, я вас знаю, — внезапно задумчиво протянула Ноэль, прищурившись и посмотрев на профиль Дэвида с озадаченным вниманием. — Это так странно.

Она произнесла это скорее для себя, не рассчитывая, что Дэвид подтвердит её догадку. Никаких воспоминаний не было: ни места, ни хотя бы обрывка разговора. Только странная легкость, с которой она представляла, как касается этого человека, хотя обычно сама мысль о подобной близости с незнакомцем показалась бы ей нелепой.

— Мы не встречались.

— Оттого и странно, — пробормотала Ноэль, пожав плечами.

Спорить она не стала. Но это ничего не объясняло и не меняло. Ноэль продолжала смотреть на него с прежним интересом, пытаясь понять, что именно заставляет её так настойчиво искать знакомое в чужом лице.

Дэвид не знал, что ответить на это спокойное признание, в котором не чувствовалось ни попытки расположить его к себе, ни желания уйти от вопросов. И разбираться, почему оно его ощутимо задело, сейчас тоже не собирался.

Мысленно отмахнувшись от чужих слов, Дэвид вернулся к спасительной служебной определенности. Здесь всё было понятно: материалы и показания. Здесь от него требовалось только задавать вопросы.

— Мне нужны все материалы по этому сну, — потребовал он, прочистив горло. — Всё, что у вас есть. А, и чуть не забыл, — он почесал бровь указательным пальцем. — Джон Харт просит вас не посещать комнату с капсулой Чинхо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.